

Уже с первого дня моего пребывания в гостях у деда и бабушки я познакомилась с животными, жившими во дворе за изгородью, в деревянных стайках. Я их немножко боялась, особенно корову. Корова с виду выглядела доброй, от неё пахло теплом и молоком, но её рога и копыта вызывали у меня страх. Хорошо ещё, что весь день она паслась на лугу вместе с остальными деревенскими коровами. Но когда вечером я слышала за воротами мычание, то убегала на крыльцо дома и оттуда смотрела, как бабушка открывает ворота и запускает корову во двор. Двери в сени я держала наготове приоткрытыми, чтобы можно было сразу спрятаться в случае чего. И всё же интересно: как корова сама находила наш дом? Вместе с коровой в загончике жили барашек и две овечки. Барашек хоть и с рогами, но сам всего боялся, а овечки так сильно всех боялись, что даже было видно, как они, тяжело дыша от страха, чуть-чуть качаются на месте. И кричат они смешно: «Бе-бе». Большую толстую свинью я тоже побаивалась, а вот её маленьких поросят — нет. Поросятки смешно повизгивали и крутили пушистыми розовыми хвостиками. Их можно было даже погладить или почесать за ушком. Куриц я совсем не боялась,

потому что они от меня разбегались в разные стороны, а от пуха я старалась держаться подальше. Уж очень он крикливый.

И всё-таки хорошо, что животные жили за заборчиком, а мы с сестрой могли гулять по большому двору и наблюдать за ними издалека. Правда, курицам разрешалось гулять везде. Но они и не спрашивали разрешения, ведь у них есть крылышки, а на них можно перепорхнуть через любой невысокий заборчик. Когда дед приносил с рыбалки рыбу, бабушка чистила её прямо во дворе на доске, а куры тут как тут. Они склёвывали всё то, что бабушка отрезала от рыб. И ещё кудахтали при этом и чуть не дрались друг с другом из-за лучшего кусочка. Почти каждый день дед ходил на речку за рыбой. И каждый день мама с бабушкой варили её. В рыбе много косточек, и маме пришлось вытаскивать их, чтобы мы с Таней могли покушать.

И вот как-то, когда мы все обедали, я услышала, как дед и отец стали договариваться о том, чтобы зарезать барана. И даже бабушка говорила, что мы с сестрой плохо едим суп с вяленным мясом и что, кроме рыбы, картошки и каши, есть нечего.

Услышав это, я мигом представила пугливого барашка в кучерявой коричневой шёрстке, очень испугалась за него и стала жалостливо просить:

— Не надо резать барашка! Я всё равно не буду есть из него суп! Не надо...

— Н-дак вы и этот суп не шибко едите,— глянула бабушка в мою тарелку, по которой я нехотя водила деревянной ложкой.

Суп действительно по вкусу не нравился мне, мама в городе варила вкуснее. Дед объяснял, что суп с вяленным мясом. Он рассказал, что летом свежее мясо негде хранить и поэтому мясо сушат на чердаке, чтобы оно не испортилось. Но от его объяснений суп не становился вкуснее. Значит, теперь из-за нас с Таней должны убить барашка, чтобы сварить из него обед?! Я стала быстро доедать свой суп, а сама, следя за разговорами взрослых, продолжала повторять:

— Я буду есть этот суп, не надо резать барашка, не надо резать барашка!

— Наташа! Перестань! Дед же как лучше хочет, для вас же свежее мяско будет,— уговаривала меня мама.

Я поняла, что меня всё равно никто не послушает, и настроение моё совсем испортилось.

После обеда я пошла к изгороди, за которой жили животные, но там ещё никого не было. Значит, барашек ещё пасётся

Слёзы заливали глаза, а горе переполняло настолько, что я даже не сразу заметила, как мама выбежала на крыльцо и, схватив нас обеих с сестрой, потащила в дом.

— Вы зачем на крыльцо-то вышли?! Зачем смотрите на всё это?! — возмущалась мама. — Надо же, я думала, они в другой комнате играют, не слышим ничего из кухни, а они тут плачут стоят!

Из кухни вышла бабушка, жалостливо посмотрела на нас и тоже стала причитать:

— Они что же, мужики, не могли тихонько уйти, девчонок не могли прогнать, что ли, с крыльца? Ох-ох-ох.

Мама и бабушка стали уговаривать нас не плакать. Но я долго не могла успокоиться, понимая, что самое страшное, наверное, уже произошло и что теперь уже ничего не изменишь. Бедный барашек, он так боялся...

Вскоре в доме запахло мясом, мама и бабушка вдвоём сутились на кухне, готовили ужин.

Я спряталась в другую комнату и смотрела в окно. Когда мама позвала за стол, я надулась:

— Я не хочу есть.

— Как это не хочу? Голодом сидеть будешь, что ли? — возмущалась она.

— А вы из барашка еду сварили, я не буду её есть! Зачем зарезали его?

Во мне закипала обида, но мама вывела меня к столу и поставила сесть на своё место.

— Не хочешь из барана, будешь что-нибудь другое кушать, — тяжело вздыхала мама, понимая, что теперь ей будет нелегко нас накормить.

Когда дед и отец сели напротив меня, мне не хотелось даже смотреть на них. Они мне казались злыми. Но когда бабушка поставила посреди стола тарелку с большим дымящимся куском мяса, напоминающим голову бедного барашка, я сползла с лавки и спряталась под стол.

— Я не буду есть, я не хочу есть еду из барашка, — сердито приговаривала я из-под стола.

— Вылазь оттуда! — прикрикнул отец.

Я вылезла из-под стола, но старалась не смотреть на тарелку с бараньей головой.

— Я не буду есть, не буду, — упорно твердила я, глядя исподлобья на отца и деда.

Мама вынесла из кухни тарелку с супом и поставила передо мной:

— Кушай тогда суп.

— А он из барашка? — я стала принохиваться к горячему пару, поднимающемуся из тарелки прозрачной дымкой.

— Ешь, Наталья. Завтра за рыбой пойду. Ухи наварим опять,— заступился за меня дед.

— Нет, не из барана. Простой суп, ешь,— спокойным голосом уговаривала мама.

Она тоже села за стол, посадила сестру на колени и стала дуть на суп в Таниной тарелочке. Потом вложила ложку в Танину ручку и поднесла её к маленькому роту сестры.

— Это вкусный, хороший суп, да? Вот и Таня кушает.

Таня нехотя открывала рот. Я смотрела на всех и не знала, как же мне поступить. Всё же я понимала, что мама хитрит и суп тоже из барашка. Кроме супа и бараньей головы, на столе ничего не было, только огурцы и хлеб. Что же мне теперь, одни огурцы кушать?

— Ешь! — отец строго глянул на меня.— Заелись совсем! Если бы нам в войну такой суп дали, мы бы так рады были! Всю войну голодом сидели, очистки картофельные в чугушке варили. Тятя на фронт ушёл, а мне-то ещё только двенадцать лет было. Я хоть самый старший из всех, а что мог-то? Нас же четверо ребятишек было. Тятя и на охоту ходил за зайцем, и уток стрелял, и рыбачил. Мужиков всех забрали на войну, одни бабы да пацаны остались, да ещё дядя Ваня-костыль безногий.

Отец взволнованно рассказывал о том, что я и не знала совсем. В детском садике нам говорили о войне, но чтобы вот так, открыто и прямо, услышать от отца обо всех её бедах — ещё ни разу не приходилось. Все ели и молча слушали. Я взяла ложку и попробовала суп.

— Ещё поначалу перебивались как-то, а потом хуже и хуже,— продолжал отец.— Весной надо огороды копать, картошку сажать. Мы с Сашкой, два пацана, целыми днями за своим огородом землю перекапывали под картошку. Посадили малость, а потом осенью выкапывали. Нам этой картошки на ползимы и хватило только, а больше есть нечего. Даже очистки картофельные кончились. Ни хлеба, ни муки! Корова сдохла! Залезем на печку, сидим и плачем там от голода. Если бы тогда нам на стол столько еды поставили! О!!! Знаешь, как бы мы набросились на неё и не прятались бы под столом?! Барана пожалели! На то и растят баранов и свиней, чтобы потом было чем кормиться! Мы по весне

крапиву в войну варили, мяса и не видели. А Сашка наш с сыном дяди Митрофана Ванькой кости рыбные у них со сковороды стащили и, чтобы мать Ванькина не увидела, незаметно выбросили их на улицу в окно. Думали, хоть костей погрызут. А пока сами в окно вылезали, собака прибежала большая рыжая и кости те есть начала. Так Сашка с Ванькой из-за костей с собакой дрались. Она на них рычит и кости грызёт, а они так и остались ни с чем. Вот так жили! Животы с голоду пухли! А вам сейчас и то, и другое, и конфеты, и пряники — всё есть! И ещё выбираете: хочу — не хочу!

Пока отец рассказывал о войне, бабушка хлебала суп и тихонько кивала головой. Глаза у неё стали грустные. Наверное, она тоже вспомнила, как плохо им тогда жилось.

— Худо было, ох худо... — вторила она отцу.

Я уже доела суп и сидела, задумавшись, низко опустив голову. Всё перемешалось в моей голове. Слишком много всего необычного и страшного узнала и увидела я сегодня. Я всегда думала, что плохо — это когда нет сладкого, но чтобы есть траву или вообще ничего не есть, не могла себе представить. К жалости за барашка прибавилась жалость к ребятишкам, голодающим в войну. А отец всё рассказывал и рассказывал. Дед тоже вспоминал войну и голод после войны.

После ужина я стояла на крыльце и удивлялась какой-то необычной тишине. Я знала, что барашка уже нет, и чтобы уже не переживать из-за этого, представила, как худой маленький мальчик рвёт кусачую крапиву, чтобы потом его мама сварила из неё суп. Мне было очень грустно. На крыльцо вышел отец.

— А где ты крапиву рвал, когда война была? — вдруг спросила я, глядя через забор на бабушкин огород, где все грядки были засажены и морковкой, и огурцами, и луком.

— Да вон же её сколько, — отец показал рукой на заросли крапивы в самом углу огорода за домом. — Это к концу лета в огороде что-то наростёт, а весной и в начале лета одна крапива стоит. Вот тут её и рвали.

Крапива тихонько шевелила на ветру острыми резными листочками, каждый из которых мог так ужалить, что станет очень больно! Как же они её кушали?

— Ну что, пойдёшь крапиву рвать на суп? — спросил шутиво отец.

Я смотрела на высокие стебли крапивы, представляла тарелку, наполненную водой с зелёными листьями, и молчала.